

ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI <https://doi.org/10.31912/rjano-2020.2.1>

Д. М. САВИНОВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
crillon@yandex.ru

Е. С. СКАЧЕДУБОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
skaekaterina@yandex.ru

А. Е. СОМОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
alsomova@yandex.ru

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В ПРОСОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ РУССКОГО ЯЗЫКА: АКЦЕНТУАЦИЯ ГЛАГОЛОВ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ*

Статья посвящена акцентуации невозвратных и возвратных глаголов непродуктивного класса в форме прошедшего времени. В настоящей работе на основе сопоставления вариантов ударения, кодифицированных современными орфоэпическими словарями, и данных, полученных в результате серии экспериментов, которые отражают актуальный произносительный узор носителей современного русского литературного языка, анализируются причины изменений, происходящих в акцентной парадигме соответствующих глаголов прошедшего времени, поднимаются проблемы кодификации норм в орфоэпических словарях.

Ключевые слова: глагол, акцентуация, современный русский литературный язык, ударение, орфоэпический словарь.

0. Введение

Как известно, в русском языке большинство глаголов при словоизменении сохраняют ударение исходной словоформы, то есть имеют неподвижное

---

* Предлагаемое исследование выполнено в рамках плановой темы Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН «Произносительная норма в узусе и кодификации» (руководитель М. Л. Каленчук).

ударение как в основе настоящего (будущего простого) времени, так и в основе инфинитива. Подвижное ударение в прошедшем времени свойственно лишь небольшой группе глаголов, относящихся к непродуктивным классам¹. Эти же глаголы обычно характеризуются и высокой степенью вариативности ударения в соответствующих формах.

Исторически формы женского рода большинства этих глаголов были акцентно противопоставлены всем другим формам прошедшего времени, что связано с противопоставлением в раннедревнерусском языке у *l*-причастий ортотонической словоформы ж. р. с фонологически ударным окончанием *-а* другим формам-энклинomenам, не имевшим фонологически ударных слогов. Наличие у глаголов-энклинomenов только фонологически безударных слогов предполагало «автоматическое» позиционное усиление начального слога, что в соответствующих тактовых группах обусловило оттяжку ударения на проклитики, а также перенос ударения на энклитику *-ся*, бывшую фонологически ударной. С исчезновением фонетического различия между автономным (на любом слоге ортотонических форм) и автоматическим (на первом слоге энклинomenов) ударением акцентная система становится фонетически необусловленной, а место ударения — традиционным. Возникают акцентные подвижные парадигмы типа *лil, лilá, líло, líли; óтдал, óтдалá, óтдало, óтдали; прóпил, пропилá, прóпило, прóпили; принялся, принялсь, принялсь, принялись*, частично сохранившиеся в русском литературном языке до настоящего времени.

Однако процессы унификации, способствующие закреплению неподвижного ударения, постепенно устраняют, во-первых, акцентное противопоставление форм внутри парадигм, во-вторых, различия в акцентуации производных и производящих основ, что способствует расширению вариативности, то есть приводит, по выражению М. В. Панова, к «нефункциональному многообразию единиц». О вариантах, существующих в разговорном узусе носителей русского литературного языка, уже не раз писали лингвисты [Воронцова 1979: 168–193; 2000: 308–309; Суханова 1980: 689; Касаткина 2008: 380–383; Куракина 2011а: 267–272; 2011б: 24–29; Касаткин 2014: 238–240], однако большинство нормативных словарей продолжают искусственно последовательно поддерживать в формах прошедшего времени старые акцентологические нормы.

Чтобы определить основные закономерности постановки ударения в исследуемых глаголах, была проведена серия экспериментов, в которых приняли участие 112 респондентов, москвичей во втором-третьем поколении, с высшим образованием (или студенты старших курсов ВУЗов), носители литературной нормы русского языка. Информанты обоих полов были

---

¹ В современном русском языке в прошедшем времени отмечается три типа акцентных парадигм: *a* — неподвижное ударение на основе (*грел, грéла, грéло, грéли*), *b* — неподвижное ударение на флексии (*нёс, неслá, неслó, несли́* и *c* — подвижное ударение (*был, былá, было, были*)).

разделены на три равные возрастные группы (младшая — до 29 лет включительно, средняя — от 30 до 59 лет, старшая — 60 лет и старше). Респонденты читали с листа, без предварительного ознакомления, тексты достаточно большой протяженности, содержащие глагольные формы, допускающие варианты ударения в живой непринужденной речи. Всего было изучено 390 форм 206 невозвратных глаголов и 211 форм 88 возвратных глаголов. В общей сложности получено более 18 000 дикторских ответов.

В эксперимент входили следующие невозвратные глаголы и их префиксальные производные: *брать, быть, вить, врать, гнать, дать, драть, ждать, жить, жрать, звать, клясть, красть, лгать, лить, пить, плыть, рвать, слать, спать, стлать, ткать*, а также префиксальные образования с корнями *бы-, -я- (ня-), мер-* и *пер-* (типа *убыть, принять, умереть, запретить*). Среди возвратных глаголов были исследованы *браться, виться, гнаться, даваться, драться, житься, клясться, литься, рваться, спаться*, а также префиксальные производные типа *облиться, отдаться, погнаться* и др.

Рассматриваемые глаголы разделяются на две группы: глаголы с исконно односложной основой (*бы-, ви-, да-, жи-, кля-, ли-, пи-, плы-, -ня-*) и глаголы, в которых ранее был редуцированный, т. е. исконно двусложные (*бра-, вра-, гна-, дра-, жда-, жра-, зва-, лга-, рва-, сла-, спа-, стла-, тка-*). На различное поведение этих глаголов с точки зрения акцентуации указал еще Л. А. Булаховский [1948: 22–24]. Отмечалось, что «применительно к позднему периоду развития литературного языка это различие выявлялось в более интенсивном выравнивании ударения у глаголов второй группы (в прошлом двусложных)» [Воронцова 1979: 171].

1. Невозвратные глаголы

Подавляющее большинство исследованных глаголов в раннедревнерусском языке были энклитоменами, соответственно, ударение во всех формах прошедшего времени, кроме формы ж. р. ед. ч., исконно должно было падать либо на корень или суффикс *-а* (у непроданных бесприставочных глаголов), либо на приставку (у их префиксальных производных). По данным Л. А. Булаховского и Н. А. Еськовой, этот принцип в целом сохранялся до конца XVIII — начала XIX в.: *обвил, обвило, прибрал, прибрало, поплыл, поплыло, сорвал, сорвало* и др. [Булаховский 1948: с. 20–22, 24–25; Еськова 2008: 375–389].

Однако уже с первой половины XIX в. прослеживается тенденция «к “выравниванию” ударения приставочных глаголов по основному» [Воронцова 2000: 308], то есть к перемещению ударения у приставочных глаголов на корень или суффикс *-а* — по аналогии с производящими бесприставочными глаголами в соответствующих формах. Сначала этот процесс затрагивает глаголы с исторически двусложной основой (при стабильном сохранении ударения на префиксе в односложных глаголах); затем тенденция

к переносу ударения с префикса на корень распространяется также и на вторую группу глаголов. К середине XX в. ударение переместилось с префикса на корень, суффикс или окончание во всех двусложных глаголах (за исключением форм *сóзвал, сóзвало*), а также в большинстве односложных, где данный процесс идет «медленно и избирательно» [Воронцова 1979: 179].

Е. Б. Куракина в 2005–2010 гг. провела серию орфоэпических экспериментов среди школьников и студентов и на основе полученных данных описала современную «младшую» норму в ее московском варианте. По данным Е. Б. Куракиной, в префиксальных глаголах, «характерной особенностью акцентной вариативности которых является перемещение старшего ударения с префикса на корень в глаголах в формах мужского рода, среднего рода и множественного числа прошедшего времени (...), употребление корневого ударения (...) перешагнуло 50 %-й барьер и более распространено в речи молодых москвичей, нежели префиксальное» [Куракина 2011б: 25].

Результаты проведенного эксперимента свидетельствуют о том, что большинство глаголов в формах м. р. ед. и мн. ч. произносятся в настоящее время с ударением на корне или суффиксе, количество подобных произнесений в разных возрастных группах равняется 80–100 %. Почти исключительно с наосновным ударением в средней и младшей возрастных группах произносятся глаголы, производные от исконно односложных *дать, жить, лить, пить* и *плыть*. Наиболее высокий процент произнесений с ударением на префиксе отмечается у соответствующих глаголов с приставкой *про-* (*прóдал, прóжил, прóлил, прóил*, а также *прóклял*), что свидетельствует о ее высокой акцентогенности.

Однако небольшое количество префиксальных глаголов в м. и ср. р. ед. ч. и во мн. ч. произносится преимущественно с ударением на приставке. Так, в формах ср. р. подобную акцентуацию сохраняют следующие глаголы: *предпрíняло* (100 % ст., 90 % ср. и мл.), *пóняло* (90 % ст., 70 % ср., 60 % мл.), *нáняло* (80 % ст. и ср., 60 % мл.), *прíняло* (100 % ст., 80 % ср. и мл.), *прíбыло* (100 % ст. и ср., 90 % мл.), *зáперло* (75 % ст., 90 % ср. и мл.), *óтбыло* (30 % ст., 60 % ср., 40 % мл.), *úбыло* (90 % ст. и ср., 80 % мл.), *прóбыло* (70 % ст. и мл., 80 % ср.), *зáмерло* (100 % ст., 80 % ср., 60 % мл.), *úмерло* (100 % ст. и ср., 90 % мл.). В м. р. ед. и мн. ч. эти глаголы произносятся почти исключительно с ударением на префиксе: процент таких произнесений во всех возрастных группах равен 90–100 %. По всей видимости, здесь произошла лексикализация места ударения, которая, возможно, обусловлена постепенным «затемнением» словообразовательной мотивированности данных слов, их отрывом от производящей основы (*прибыть, отбыть, убыть*), а также наличием в глаголах связанного корня (*понять, нанять, принять, запереть*). К последней группе примыкают глаголы *замереть* и *умереть*, соотносимые с малоупотребительным разговорным глаголом *мереть*, который в современном русском языке имеет дефектную парадигму и употребляется исключительно в устойчивых сочетаниях (*мрут как мухи*). В случае с глаголом *предпринять* также действует тенденция к ритмическому равновесию.

Проведенный нами анализ текстов XVIII–XIX вв. поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) дал возможность обнаружить немало количество примеров исследованных приставочных и бесприставочных глаголов, в которых ударение в ср. р. падает не только на приставку, корень или суффикс, но и на окончание. По данным НКРЯ, наиболее часто нафлексивное ударение встречается в бесприставочных глаголах. Так, первое употребление формы *дало* с ударным окончанием отмечено еще в середине XVIII в.: «Не думай, чтоб свершила зло: Умри, коль смерти мне желаешь; Сама себя теперь караешь, Тебе злодейство то **дало**» (И. Ф. Богданович, 1761). Приведем некоторые другие примеры: «Меж бледных звезд Как человеческое было Лицо луны, и слезы **лило**» (А. Н. Майков, 1853) — «Оно, горевшее светло, Как бы зияющая рана Болезни смрадные **лило**» (А. М. Жемчужников, 1867); «По плечам твоим высоким Солнце блеск **разлило** свой. И знакомые мне косы Льнут к волнам своей волной» (К. К. Случевский, 1897) — «И чудное, исполненное ласки Создание — на щеки, на чело Как будто воск холодный **разлило**, И я застыл в окаменелой маске» (К. М. Фофанов, 1892); «Весь свет непрестанно Терпит отмены, и то чудно лишь бы было, Если б мое в тех валах судно равно **плыло**» (А. Д. Кантемир, 1731–1743) — «**Плыло** бы все ко мне: из темныя конурки Морской бы вышел рак, кобенясь на клешнях; Явился бы и кит с огромными усами, И нильский крокодил в узорных чешуях» (В. А. Жуковский, 1819); «Светила чудные сияли в вышине И, улыбаяся, смотрели в душу мне; Чистейшим серебром поля вдали сияли, Леса пустынные недвижимо стояли; Всё **спало**...» (А. Н. Апухтин, 1854) — «Сидела мать у колыбели; Дитя **спало**, но в странном сне...» (Н. П. Огарев, 1841); «Что **звало** жить, что силы горячило — Далеко за горой» (А. А. Фет, 1853) — «Надменное ветрило Его **звало** к берегам чужой земли...» (А. С. Пушкин, 1814); «Я пел одинок, но тужить и роптать Мне, старому, было б грешно и нестать — Наград моё сердце не **ждало**!» (А. К. Толстой, Слепой, 1873) — «Это всё, поверь, Нас **ждало** давно, И сбылось теперь, чему быть должно» (А. Н. Апухтин, 1854–1892) и др.

Современные орфоэпические словари формы ср. р. с ударением на окончании (типа *лило*, *разлило*, *гнало*, *загнало*, *брало*, *набрало*, *ждало* и др.) дают с запретительной пометой «не рекомендовано», допустимыми признаются формы *взяло* и *дало* [Еськова 2014; ОС; Резниченко 2015] или только *дало* [Штудинер 2016]. В. М. Суханова, автор раздела «Ударение глаголов» в академической «Русской грамматике», квалифицирует формы с нафлексивным ударением типа *брало*, *гнало*, *обдало*, *отдало*, *предало*, *ждало*, *жилло* и мн. др. как просторечные [Суханова 1980: 689]. Лишь в Большом орфоэпическом словаре варианты с нафлексивным ударением в форме ср. р. трактуются как нормативные и снабжены пометой «допустимо младшее» [БОС 2017].

На значительную распространенность нафлексивного ударения у префиксальных невозвратных глаголов ср. р. указала Е. Б. Куракина: «При анкетировании современной московской молодежи проявилась также инте-

ресная особенность: респонденты неожиданно употребили флексивное ударение в глаголах в прошедшем времени в форме среднего рода (например, *обдало* — 94%), что можно объяснить выравниванием места ударения по аналогии с кодифицированным ударением на флексии в форме женского рода данных глаголов» [Куракина 2011б: 26].

Результаты проведенного эксперимента показали, что носители современного русского литературного языка произносят формы ср. р. преимущественно с ударением на окончании, причем зачастую процент таких произнесений имеет тенденцию к возрастанию от старшей к младшей возрастной группе. Обращает внимание, что в непроизводных бесприставочных глаголах процент произнесения с ударным окончанием значительно выше, чем в производных, для ряда лексем он приближается (а в некоторых возрастных группах равен) к 100%. Наиболее часто формы ср. р. ед. ч. с нафлексивным ударением встречаются в глаголах *лечь, дать, звать, взять* и их префиксальных производных: *лело* (10% ст. и мл., 0% ср.) и *лелó* (90% ст. и мл., 100% ср.); *залило* (30% ст., 20% ср., 0% мл.), *залило* (20% ст., 0% ср., 10% мл.) и *залилó* (50% ст., 80% ср., 90% мл.); *разлило* (30% ст., 10% ср., 0% мл.) и *разлилó* (70% ст., 90% ср., 100% мл.); *дало* (0% ст. и мл., 10% ср.) и *далó* (100% ст. и мл., 90% ср.); *подало* (40% ст., 30% ср., 30% мл.), *подало* (10% ст. и мл., 30% ср.) и *подалó* (50% ст., 40% ср., 60% мл.); *передало* (17% ст., 20% ср., 10% мл.), *передало* (8% ст., 20% ср., 0% мл.) и *передалó* (75% ст., 60% ср., 90% мл.); *звало* (10% ст. и мл., 0% ср.) и *звалó* (90% ст. и мл., 100% ср.); *подозвало* (80% ст., 50% ср., 20% мл.) и *подозвалó* (20% ст., 50% ср., 80% мл.); *призвало* (50% ст., 60% ср., 20% мл.) и *призвалó* (50% ст., 40% ср., 80% мл.) и др.

Глаголы *брать, гнать, жить* и *лгать* в целом вписываются в общий процесс переноса ударения на окончание, о чем свидетельствуют некоторые словоформы: *брало* (40% ст., 20% ср. и мл.) и *бралó* (60% ст., 80% ср. и мл.); *набрало* (50% ст., 30% ср., 10% мл.) и *набралó* (50% ст., 70% ср., 90% мл.); *отобрало* (17% ст., 40% ср., 10% мл.) и *отобралó* (83% ст., 60% ср., 90% мл.); *прибрало* (30% ст., 20% ср. и мл.) и *прибралó* (70% ст., 80% ср. и мл.); *гнало* (30% ст., 40% ср., 10% мл.) и *гналó* (70% ст., 60% ср., 90% мл.); *загнало* (30% ст., 50% ср., 20% мл.) и *загналó* (70% ст., 50% ср., 80% мл.); *обогнало* (40% ст., 60% ср., 40% мл.) и *обогналó* (60% ст., 40% ср., 60% мл.); *жило* (30% ст., 60% ср., 10% мл.) и *жилó* (70% ст., 40% ср., 90% мл.); *обжило* (0% ст. и мл., 10% ср.), *обжилó* (30% ст. и мл., 40% ср.) и *обжилó* (70% ст. и мл., 50% ср.); *зажило* (60% ст., 30% ср., 20% мл.), *зажилó* (0% ст. и мл., 10% ср.) и *зажилó* (40% ст., 60% ср., 80% мл.); *ожило* (40% ст., 20% ср., 50% мл.), *ожилó* (10% ст., 0% ср. и мл.) и *ожилó* (50% ст. и мл., 80% ср.); *лгало* (50% ст., 20% ср., 0% мл.) и *лгалó* (50% ст., 80% ср., 100% мл.); *солгало* (40% ст., 60% ср., 20% мл.) и *солгалó* (60% ст., 40% ср., 80% мл.).

Однако довольно большое количество приставочных образований от этих глаголов последовательно сохраняет наосновное ударение: *избрало* (60% ст., 100% ср., 70% мл.) и *избралó* (40% ст., 0% ср., 30% мл.); *разо-*

бра́ло (60 % ст., 50 % ср., 70 % мл.) и *разобра́ло* (40 % ст., 50 % ср., 30 % мл.); *перебра́ло* (80 % ст., 40 % ср., 70 % мл.) и *перебра́ло* (20 % ст., 60 % ср., 30 % мл.); *обобра́ло* (40 % ст., 70 % ср. и мл.) и *обобра́ло* (60 % ст., 30 % ср. и мл.); *изгна́ло* (42 % ст., 80 % ср., 50 % мл.) и *изгна́ло* (58 % ст., 20 % ср., 50 % мл.); *пригна́ло* (90 % ст., 100 % ср., 30 % мл.) и *пригна́ло* (10 % ст., 0 % ср., 70 % мл.); *догна́ло* (80 % ст., 60 % ср., 50 % мл.) и *догна́ло* (20 % ст., 40 % ср., 50 % мл.); *нагна́ло* (70 % ст., 80 % ср. и мл.) и *нагна́ло* (30 % ст., 20 % ср. и мл.); *отжи́ло* (20 % ст. и мл., 30 % ср.), *отжи́ло* (60 % ст. и мл., 40 % ср.) и *отжи́ло* (20 % ст. и мл., 30 % ср.); *до́жило* (70 % ст., 40 % ср., 20 % мл.), *до́жило* (20 % ст. и ср., 50 % мл.) и *до́жило* (10 % ст., 40 % ср., 30 % мл.); *по́жило* (20 % ст. и ср., 0 % мл.), *по́жило* (60 % ст. и мл., 50 % ср.) и *по́жило* (20 % ст., 30 % ср., 40 % мл.); *пе́режило* (10 % ст., 20 % ср. и мл.), *пе́режило* (70 % ст., 30 % ср., 60 % мл.) и *пе́режило* (20 % ст. и мл., 50 % ср.); *оболга́ло* (90 % ст., 80 % ср., 70 % мл.) и *оболга́ло* (10 % ст., 20 % ср., 30 % мл.).

Есть и другие исключения. Во-первых, особняком стоят глаголы *вить* и *пить*, относящиеся к одному классу. Так, в глаголе *вить* и префиксальных производных в ед. ч. ср. р. ударение чаще падает на основу: *ви́ло* (80 % ст. и ср., 100 % мл.) и *вилó* (20 % ст. и ср., 0 % мл.), *зави́ло* (70 % ст. и мл., 80 % ср.) и *завилó* (30 % ст. и мл., 20 % ср.), *приви́ло* (60 % ст., 90 % ср., 80 % мл.) и *привилó* (40 % ст., 10 % ср., 20 % мл.), *сви́ло* (60 % ст., 80 % ср. и мл.) и *свилó* (40 % ст., 20 % ср. и мл.), *уви́ло* (75 % ст., 90 % ср., 100 % мл.) и *увилó* (25 % ст., 10 % ср., 0 % мл.).

Глаголы с корнем *пи-* имеют нафлексивное ударение несколько чаще, чем глаголы с корнем *ви-*, однако количество респондентов, поставивших ударение на окончание, обычно не превышает 30–40 %: *пи́ло* (90 % ст., 80 % ср., 70 % мл.) и *пилó* (10 % ст., 20 % ср., 30 % мл.), *отпи́ло* (80 % ст., 40 % ср., 70 % мл.) и *отпилó* (20 % ст., 60 % ср., 30 % мл.), *допи́ло* (80 % ст. и ср., 70 % мл.) и *допилó* (20 % ст. и ср., 30 % мл.), *попи́ло* (60 % у всех групп респондентов) и *попилó* (40 % у всех групп респондентов).

В отличие от всех остальных глаголов с исконно подвижной акцентной парадигмой, у *вить* и *пить* максимальное количество произнесений с ударением на флексии фиксируется не в производящих бесприставочных глаголах, а в префиксальных производных: количество произнесений *привилó*, *свилó*, *завилó*, *попилó*, *отпилó* значительно превышает количество произнесений *вилó* и *пилó*. Возможно, стабильное сохранение ударения на основе в ср. р. связано с влиянием других глаголов данного класса, большинству которых в прошедшем времени свойственно неподвижное ударение на основе: *биль*, *шить*, *брить* и др. Необходимо также отметить и действие в данной глагольной группе прагматического фактора: у более употребительных глаголов процент произнесения с наосновным ударением ниже, чем у менее употребительных. Неслучайно более частотный глагол данного класса *лечь* и его производные значительно чаще имеют нафлексивное ударение в соответствующих формах, чем менее частотные глаголы *пить* и *вить* и их производные. Ср.: широко употребительный *лилó* (90 % ст. и мл.,

100 % ср.), менее частотный *пи́ло* (10 % ст., 20 % ср., 30 % мл.) и еще менее частотный *вилó* (20 % ст. и ср., 0 % мл.). Прагматический фактор действует даже при акцентуации однокоренных глаголов: ср. форму более частотного глагола *завилó* (30 % ст., 20 % ср., 30 % мл.) и форму менее частотного — *увилó* (25 % ст., 10 % ср., 0 % мл.).

Кроме того, в случае с глаголом *вить* и его префиксальными производными такая акцентуация объясняется разграничением омонимии с формами глагола *вестí* и соответствующими производными: *ви́ло*, но *велó*, *приви́ло*, но *привелó* и др.

Во-вторых, большинство глаголов со связанным корнем *-пер-*: *подпереть*, *распереть*, *упереть* (в том числе грубопросторечные типа *допереть*, *напереть* и др.), исконно имевшие маргинально-подвижную акцентную парадигму, унифицировали ударение не на окончании, а на корне (в том числе и в форме ж. р.): *подпёр*, *подпёрла*, *подпёрло*, *подпёрли* и т. д. Старая акцентуация в этих словах до сих пор сохраняется лишь в некоторых диалектных системах: *пóдпер*, *рóсперло*, *у́перли* [Даль⁴: 3: 499, 1611; 4: 1037]. В литературном языке, по данным лексикографических источников, в прошедшем времени только глаголы *запереть* и *отпереть* сохраняют старую подвижную парадигму: *за́пер*, *заперла́*, *за́перло*, *за́перли*. Однако результаты эксперимента свидетельствуют о том, что в глаголе *отпереть* развивается та же тенденция к переносу ударения на корень, что и в других лексемах с корнем *пер-*: вариант *отпёрло* предпочли 40 % ст. и 50 % ср. и мл., а *отпёрла* — 20 % ст., 10 % ср. и 20 % мл. Та же тенденция отмечена и у возвратного глагола *отпереться*: вариант *отпёрлось* предпочли 40 % ст. и ср., 50 % мл., *отпёрлась* — 0 % ст., 10 % ср. и мл.

Возможно, различное поведение глаголов *отпереть (-ся)* и *запереть (-ся)* связано с их частотностью²: более употребительный *запереть (-ся)* в прошедшем времени лучше сохраняет старую акцентную парадигму, чем менее употребительный *отпереть (-ся)*, в формах которого отмечается тенденция к акцентной «семантизации», то есть к переносу ударения на корень.

В-третьих, у глаголов *слать*, *стлать*, *крась*, *ткать* с исконно неподвижным наосновным ударением в формах прошедшего времени процент произнесений форм ср. р. с ударением на окончании не превышает 10–20 %, причем обычно в младшей или, реже, в средней группе респондентов. Респонденты старшей возрастной группы произносят эти формы преимущественно с ударением на основе: *сла́ло*, *засла́ло*, *посла́ло*, *пересла́ло*, *досла́ло*, *стла́ло*, *устла́ло*, *разостла́ло*, *постла́ло*, *кра́ло*, *укра́ло*; *тка́ло*, *натка́ло* и др.

У глаголов, исконно имевших в прошедшем времени подвижную парадигму, ударным в ед. ч. ж. р. было окончание. По данным НКРЯ, нафлекс-

² Например, в газетном подкорпусе НКРЯ (СМИ 2000-х гг.) форма *заперла* встречается 55 раз, форма *заперлась* — 44 раза, тогда как форма *отперла* — всего 3 раза, а форма *отперлась* вообще отсутствует.

тивное ударение в этой форме стабильно сохранялось вплоть до начала XIX в. Примеры с ударением на основе начинают встречаться с первой половины XIX в., однако они немногочисленны и отражают «преимущественно южнорусские влияния» [Булаховский 1948: 19]: «Когда небесные все силы *Привзала*, дни свои кляня, И застонала: “Милый, милый, Ужель разлюбишь ты меня!”» (В. И. Туманский, 1833); «Совершенно умирала; Силы все свои *собрала*, Взлезла лишь — и всё прошло, Сердце будто расцвело» (И. П. Мятлев, 1840). Их количество несколько увеличивается только к началу XX в.

В современных орфоэпических словарях и справочниках для глагольных форм ж. р. прошедшего времени в качестве нормативного дается только вариант с нафлексивным ударением (*жила́, изжила́, рвала́, нарвала́* и др.). Результаты эксперимента показывают, что в этих формах в большинстве случаев ударение на окончании последовательно сохраняется. Более того, нафлексивное ударение в формах ж. р. становится возможным и для глаголов, ранее имевших в прошедшем времени неподвижное ударение на основе: *слать, стлать, красть*. Так, вариант *слала́* предпочли 20 % ст., 20 % ср., 40 % мл., *послала́* — 30 % ср. и 30 % мл., *отслала́* — 10 % ср., 50 % мл.; *стлала́* — 10 % ст., 50 % ср., 40 % мл.; *постлала́* — 10 % ст., 30 % ср., 10 % мл.; *крала́* — 60 % ст., 50 % ср., 70 % мл. Очевидно, что количество произнесений с ударением на окончании в этих глаголах постепенно увеличивается.

Варианты *слала́* и *стлала́* sporadически фиксируются в поэзии начиная с конца XIX в.: «И не подумаешь, что злобно Здесь ночью снежная метель С своею песнею надгробной *Стлала́* холодную постель» (К. М. Фофанов, 1887); «Еще Аравия тирана Сюда такого не *слала́*, Еще над селами Ирана Тень не была такого зла» (Г. В. Адамович, 1918–1920). В словаре под редакцией Д. Н. Ушакова формы *стлала́* и *стлала́* признаются равноправными, а вариант *слала́* снабжается пометой «областное» [ТСРЯ: т. 4, с. 256, 522]. В других орфоэпических источниках нормативным в этих формах считается только вариант с наосновным ударением.

Акцентные варианты *крала́, украла́* в НКРЯ не зафиксированы, во всех источниках (включая словарь под редакцией Д. Н. Ушакова) единственно правильным признается произношение с ударением на корне: *кра́ла, укра́ла*. Лишь в Большом орфоэпическом словаре вариант *крала́* признается нормативным и дается с пометой допустимо младшее [БОС 2017: 320].

Особо следует остановиться на префиксальных производных от глаголов *гнать* и *ткать*, которые, по данным эксперимента, довольно часто произносятся в ж. р. с ударением на суффиксе: *изгна́ла* (30 % ст., 40 % ср., 10 % мл.), *погна́ла* (70 % ст., 10 % ср., 30 % мл.), *вогна́ла* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *пригна́ла* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *догна́ла* (30 % ст., 10 % ср. и мл.), *угна́ла* (50 % ст., 40 % ср., 10 % мл.), *обогна́ла* (10 % ст., 30 % ср., 0 % мл.), *перегна́ла* (10 % ст., 30 % ср., 0 % мл.), *нагна́ла* (30 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *тка́ла* (30 % ст. и ср., 10 % мл.), *натка́ла* (20 % ст. и ср., 30 % мл.).

Исконно все формы, образованные от основы инфинитива этих глаголов, имели акцентную парадигму *a*, то есть неподвижное ударение на основе, см. [Зализняк 1985: 125–139]. Позднее в результате влияния аналогии со стороны других глаголов с основой на *-a*, имевших подвижную акцентную парадигму (*братъ, вратъ, драть* и др.), у *гнать* и *ткать* в формах прошедшего времени колонное ударение на основе сменилось подвижным: в ж. р. оно перешло на флексию, а в остальных формах закрепилось на суффиксе. При этом следы старой парадигмы *a* сохранялись еще долгое время. Так, в поэзии XVIII в. широко представлены формы с наосновным ударением в ж. р. ед. ч. соответствующих глаголов: «*Нагнѣла* бабушка пред свадьбой внучке скуку, Рассказывая ей про свадебну науку» (А. П. Сумароков, 1759); «Иль сами естество оставили в саду, Или Натура их *изгнѣла* за вражду» (Ф. Я. Козельский, 1769); «*Погнѣла* всё зима, — один ты всех упряме» (М. Н. Муравьев, 1776); «И там бы для утех открылся новый трон; На нем бы Дашинька запела, заплясала, Лучом веселости *прогнѣла* б вечну ночь» (Н. А. Львов, 1796); «Не быв наследником Аттала, Не обитаю я дворцов И тканей в дар, что Спарта *ткѣла*, Не получаю от льстецов» (В. В. Попугаев, 1799).

На принадлежность в прошлом этих глаголов к парадигме *a* указывает еще один факт: в отличие от остальных глаголов, имевших исконно подвижную парадигму *c*, в префиксальных производных от глаголов *гнать* и *ткать* в формах м. и ср. р. ед. и мн. ч. довольно редко встречается перенос ударения на приставку. Так, Л. А. Булаховский приводит два примера употребления формы *прогнал* в одной из «Песен западных славян» А. С. Пушкина и далее пишет: «Возможно, что эти обособленные случаи оттянутого ударения при основе *-гна-* не есть факт литературный, а представляют естественную здесь стилизацию в соответствии с ударением, изредка встречающимся в северных говорах» [Булаховский 1948: 21].

Подобный перенос акцента на префикс по аналогии наблюдается и в некоторых других глагольных формах, исторически не относившихся к энклиноменам. Например, глагол *бить* и его префиксальные производные до сих пор сохраняют в прошедшем времени исконную парадигму *a* (*бил, бѣла, бѣло, бѣли; забѣл, забѣла, забѣло, забѣли*). Однако глагол *пробить* в значении ‘дать сигнал ударами (о часах, времени)’ в м. и ср. р. ед. ч., а также во мн. ч. имеет варианты с ударением на префиксе (*пробил, пробѣло, пробѣли*) и только в форме ж. р. сохраняется исконный тип парадигмы (*пробѣла*). Видимо, перенос акцента с основы на префикс произошел под влиянием глаголов того же класса с подвижным ударением (*прѣпил, прѣлил*).

Следует особо отметить, что префикс *про-* исконно обладал высокой акцентогенностью, то есть способностью сохранять и даже перетягивать на себя ударение. Например, А. Д. Кривоносов, изучивший одну из рукописей XVI в., отмечал, что в этом памятнике письменности «приставки *по-* и *про-* чаще, чем другие, несут на себе иктическую оттяжку» [Кривоносов 1989: 15].

По данным проведенных экспериментов, и сегодня префикс *про-* стабильно сохраняет исконное ударение в соответствующих формах глаголов с подвижной акцентной парадигмой (*про́жил, про́лил* и др.), включая полные и краткие формы страдательных причастий (типа *про́житый, про́жит, про́литый, про́лит* и т. п.) [Скачедубова 2020].

Словарь под редакцией Д. Н. Ушакова квалифицирует формы *тка́ла* и *ткка́ла* как равноправные варианты (но только *натка́ла, сотка́ла* и др.) [ТСРЯ]. В более поздних орфоэпических источниках равноправными вариантами признаются также *натка́ла* и *наткка́ла, сотка́ла* и *соткка́ла* и др. [ОС; Резниченко 2015]. Большой орфоэпический словарь как основные дает формы с ударением на окончании: *тка́ла, натка́ла, сотка́ла* и др., формы с ударением на суффиксе снабжаются пометой «допустимо» [БОС 2017]; М. А. Штудинер считает единственно правильными варианты с ударением на окончании: *тка́ла, натка́ла* и др. [Штудинер 2016].

Наосновное ударение в ж. р. фиксируется и у глаголов, исконно имевших в прошедшем времени подвижную парадигму. Наиболее часто такая акцентуация отмечается в некоторых префиксальных производных от глаголов *вить, пить, драть, брать, рвать* и *жрать*. Приведем самые частотные формы, в которых процент подобной акцентуации равняется или превышает в отдельных возрастных группах 40 %: *ви́ла* (60 % ст., 50 % ср. и мл.), *уви́ла* (30 % ст., 60 % ср. и мл.), *приви́ла* (20 % ст., 50 % ср. и мл.), *нави́ла* (30 % ст., 40 % ср., 70 % мл.), *зави́ла* (40 % ст., 30 % ср. и мл.), *сви́ла* (40 % ст., 0 % ср., 30 % мл.), *проти́ла* (8 % ст., 0 % ср., 40 % ст.), *испи́ла* (40 % ст. и ср., 20 % мл.), *распи́ла* (40 % ст., 30 % ср., 0 % мл.), *ободрáла* (20 % ст., 40 % ср. и мл.), *разодрáла* (40 % ст., 10 % ср. и мл.), *удрáла* (50 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *подрáла* (40 % ст., 30 % ср. и мл.), *обобрáла* (20 % ст., 40 % ср., 10 % мл.), *изорвáла* (20 % ст., 50 % ср., 0 % мл.), *прорвáла* (40 % ст., 20 % ср., 0 % мл.), *пожрáла* (60 % ст., 0 % ср., 20 % мл.), *сожрáла* (40 % ст., 0 % ср. и мл.).

Широкое распространение форм с наосновным ударением в ж. р. глаголов *вить* и *пить* и их производных, видимо, связано с влиянием других глаголов соответствующего класса (*бить, шить* и др.), которым свойственна акцентная парадигма *a* (см. выше). Таким образом, для данного глагольного класса характерно формирование единой акцентной парадигмы с постоянным ударением на основе (из этой тенденции выпадает только частотный глагол *лечь*).

В остальных глагольных корнях ударение на основе в ж. р. характеризует обычно только отдельные слова, как правило, с двухсложной приставкой: *недоли́ла, препода́ла, переверáла, переплы́ла, оболгáла*, что можно считать проявлением тенденции к ритмическому равновесию. В целом данные проведенного эксперимента противоречат выводам М. С. Сухановой, написавшей в «Русской грамматике», что глаголы с исконно подвижной акцентной парадигмой «в разг(оворной) речи широко употребительны с ударением на основе в форме жен. р. прош. вр.: *призвáла, избрáла, собрáла*,

прогна́ла, изгна́ла, сожра́ла, солга́ла, разорва́ла, сорва́ла, поплы́ла, издра́ла, слы́ла, созда́ла» [Суханова 1980: 689]. Таких примеров немного, и обычно подобная акцентуация характеризует только отдельные глаголы; в речи москвичей в этих формах «флективное ударение имеет более сильные позиции по отношению к корневому ударению» [Куракина 2011б: 26].

Возникает вопрос: почему некоторые информанты в форме ж. р. ряда глаголов, имевших исконную подвижную парадигму, ставят ударение на основу: *удра́ла, прорва́ла, сожра́ла*? Эти случаи нельзя объяснить ни ритмическим фактором, ни историческими причинами, ни даже тенденциями развития русского литературного языка. В. Л. Воронцова отмечала, что унификация ударения в формах прошедшего времени возможна не только за счет распространения в ср. р. нафлективного ударения, но и за счет распространения в ж. р. наосновного ударения: «Об этом свидетельствуют многочисленные колебания, с одной стороны, типа *спáла, бра́ла, ожíла, добы́ла, подáла* и под., с другой — *на́чала, дóбыла, по́дала* и под.» [Воронцова 2000: 309]. Однако Р. Ф. Касаткина подчеркивает, что подобное произношение не характерно для узуса носителей русского литературного языка: «В наших материалах случаи наосновного³ ударения в формах женского рода в речи лиц, говорящих на литературном языке, не зафиксированы» [Касаткина 2008: 380].

Можно предположить, что перенос ударения на основу в ж. р. глаголов с подвижной акцентной парадигмой у некоторых информантов объясняется региональным влиянием, поскольку в западной диалектной зоне русского языка, а также в других восточнославянских языках части исследуемых глаголов свойственно неподвижное ударение на основе (*бра́ла, дра́ла, спáла* и др.). Появление предконечного ударения в этих формах связано с процессом дефинализации ударения, развивавшимся в соответствующих диалектных системах начиная с XIV в. [Зализняк 1985: 182–188]. При этом акцентологические нормы русского литературного языка сложились на базе акцентной системы, свойственной восточной зоне, в которой дефинализации ударения не было.

Как показывают данные эксперимента, сегодня ударение на основе в форме ж. р. глаголов с подвижной парадигмой (кроме форм глаголов *пить, жить* и их производных) характеризует лишь некоторых носителей старшей и частично средней групп-информантов, имевших среди предков выходцев с западных территорий. В младшей возрастной группе количество таких произнесений обычно минимально, что говорит о том, что в речи молодежи окончательно «побеждает» восточная система, для которой характерно в соответствующих формах нафлективное ударение. Этот вывод подтверждают данные орфоэпического эксперимента, проведенного Е. Б. Куракиной: в среднем 85 % респондентов — москвичей в возрасте от

³ В статье Р. Ф. Касаткиной написано «нафлективного», что в общем контексте рассуждений должно трактоваться как опечатка.

16 до 25 лет — предпочли в форме ж. р. соответствующих глаголов ударение на флексии [Куракина 2011б: 26].

О региональном распределении форм типа *брáла, спáла* — *бралá, спалá* в русских говорах см. [Касаткин (ред.) 2013: 165–166]. Следует отметить, что акцентуация *брáла, спáла* обычно характеризует не только диалектный узус, но и речь местной интеллигенции, таким образом, наосновное ударение в форме ж. р. можно считать чертой, присущей западному региональному варианту русского литературного языка [Букринская, Кармакова 2012: 160]. Однако подобное произношение чуждо московскому варианту произносительной нормы русского литературного языка.

2. Возвратные глаголы

В формах ср. р. ед. и мн. ч. с постфиксом типа *принялось, принялись* довольно рано произошла перемаркировка предпоследнего слога, который стал фонологически ударным [Зализняк 1985: 125], что и обусловило передвижку ударения с постфикса *-ся* на окончания *-о* и *-и* в соответствующих формах⁴. В результате у исследуемых возвратных глаголов в прошедшем времени сформировалась следующая акцентная система, просуществовавшая до XVIII — начала XIX в.: в форме м. р. ед. ч. ударение падало на постфикс *-ся*, а в остальных — на окончание: *дался, далась, далось, дались; поддался, поддалась, поддалось, поддались* и т. д.

Однако постепенно в языке стал развиваться процесс переноса ударения с постфикса на корень или глагольный суффикс. Так, по данным Л. А. Булаховского, уже в XIX в. в форме м. р. возвратных глаголов «намного чаще выступают формы с ударением на корне, отражающие влияние инфинитивов». Л. А. Булаховский пишет, что для середины XX в. «литературной нормой является только ударение — *нанялся* (*занялся, принялсь*), *начался*; при двух префиксах — *приподнялся* и *приподнялся*» [Булаховский 1948: 39]. В современных орфоэпических источниках допустимыми (не устаревшими) вариантами обычно признаются формы: *занялся, нанялся, поднялся, принялсь, обнялся, отнялся, отперся, заперся, начался*, а также *родился* [Касаткин 2014: 239; Штудинер 2016].

Наши наблюдения над речевым узусом носителей литературного языка свидетельствуют о том, что сегодня произошло завершение устаревания этого типа ударения. Так, по данным орфоэпического эксперимента, проведенного Е. Б. Куракиной, 92 % респондентов — москвичей в возрасте 16–25 лет — «предпочли постфиксальному ударению наосновное в возвратных глаголах в форме мужского рода прошедшего времени, образованных от невозвратных глаголов с подвижным ударением, что указывает

⁴ По данным Л. А. Булаховского, изменение безударного «*-ся* в *-сь* после гласных, как результат редукции конечного гласного, не существенного для характеристики формы, датируется XIV веком» [Булаховский 1939: 164].

на ярко выраженную тенденцию завершения переноса ударения с постфикса *-ся* на основу (корень либо префикс в некоторых глаголах) {...}; ударение на постфиксе *-ся* в исследуемой глагольной группе может считаться окончательно устаревшим не только в глаголах *собрáлся* и *взя́лся*, но и в тех глаголах, единственным нормативным или предпочтительным ударением в которых является именно постфиксальное ударение: *заперся́, обнялся́, нанялся́, поднялся́*» [Куракина 2011а: 271].

Ударение на окончании у возвратных глаголов в ср. р. ед. и мн. ч. стабильно сохранялось вплоть до конца XVIII в. Именно в это время в русском литературном языке наряду с формами, имеющими во мн. ч. нафлексивное ударение, появляются формы с ударением на основе. Зачастую у одного автора можно встретить соответствующие акцентные варианты: «Я хочу, чтоб слезы *ли́лись*, Сам их чувствую урон!» (М. Н. Муравьев, 1776) — «Рассеивалась мгла, и чувствованья страстны Неволею *ли́лись* в сердца их непричастны...» (М. Н. Муравьев, 1784); «В душе Нерона вспыхнула гроза. Он побледнел: виски *нали́лись* кровью...» (Л. А. Мей, 1855) — «...Как сердечко в лебяжия груди толкнулося, Как зажглися глаза синим яхонтом, Молоком *нали́лись* руки белые» (Л. А. Мей, 1857); «Долго *дрáлись*; Спиридон Вдвое больше был силен...» (Н. А. Некрасов, 1840) — «Со всею яростью врагов, Миримых лишь за дверью гроба, *Драли́сь* два витязя; их слов Постигнуть смысл могла лишь злоба» (Н. А. Некрасов, 1840).

Примеры переноса ударения в формах ср. р. ед. ч. появляются несколько позднее — с начала XIX в., но подобных примеров немного, и все они отмечаются почти исключительно у поэтов — выходцев с западных русских территорий, тогда как нафлексивное ударение во мн. ч. встречается также у поэтов из центральных и восточных областей России. Приведем некоторые примеры: «Мое веселие *прерва́лось*, И сына моего уж нет» (В. В. Капнист, 1806); «Всё это *ли́лось*, кружилось, мелькало, Вон из размеров своих выступало...» (К. К. Случевский, 1860–1878).

Результаты проведенного эксперимента показали, что носители современного русского литературного языка по-прежнему произносят формы ср. р. ед. и мн. ч. преимущественно с ударением на окончании. Однако почти у всех исследованных глаголов процент произнесений с наосновным ударением в формах мн. ч. последовательно выше на 10–30 % по сравнению с аналогичными формами ср. р.: *ли́лось* (10 % ст., 0 % ср. и мл.) и *ли́лось* (90 % ст., 100 % ср. и мл.), *ли́лись* (20 % ст., 0 % ср. и мл.) и *ли́лись* (80 % ст., 100 % ср. и мл.); *обли́лось* (10 % ст. и ср., 0 % мл.) и *обли́лось* (90 % ст. и ср., 100 % мл.), *обли́лись* (25 % ст., 30 % ср., 40 % мл.) и *обли́лись* (75 % ст., 70 % ср., 60 % мл.); *созда́лось* (20 % ст., 0 % ср. и мл.) и *созда́лось* (80 % ст., 100 % ср. и мл.), *созда́лись* (25 % ст., 10 % ср., 0 % мл.) и *созда́лись* (75 % ст., 90 % ср., 100 % мл.); *разда́лось* (0 %) и *разда́лось* (100 %), *разда́лись* (20 % ст., 10 % ср. и мл.) и *разда́лись* (80 % ст., 90 % ср. и мл.); *рва́лось* (0 % ст. и ср., 10 % мл.) и *рва́лось* (100 % ст. и ср., 90 % мл.),

рва́лись (20 % ст., 40 % ср., 10 % мл.) и *рва́лись* (80 % ст., 60 % ср., 90 % мл.); *ворва́лось* (10 % ст. и ср., 0 % мл.) и *ворва́лось* (90 % ст. и ср., 100 % мл.); *ворва́лись* (20 % ст. и ср., 10 % мл.) и *ворва́лись* (80 % ст. и ср., 90 % мл.); *порва́лось* (20 % ст. и ср., 0 % мл.) и *порва́лось* (80 % ст. и ср., 100 % мл.); *порва́лись* (50 % ст. и ср., 30 % мл.) и *порва́лись* (50 % ст. и ср., 70 % мл.) и др.

Следует отметить, что в приставочных образованиях процент произнесений с наосновным ударением в этих формах обычно выше, чем в бесприставочных: приставка (особенно двусложная) способствует оттягиванию ударения на основу, что, видимо, связано с тенденцией к ритмическому равновесию: *воссо́здалось* (0 % ст., 30 % ср. и мл.) и *воссо́здалось* (100 % ст., 70 % ср. и мл.); *воссо́здались* (60 % ст., 70 % ср., 60 % мл.) и *воссо́здались* (40 % ст., 30 % ср., 40 % мл.); *изо́рва́лось* (20 % ст., 30 % ср. и мл.) и *изо́рва́лось* (80 % ст., 70 % ср. и мл.); *изо́рва́лись* (40 % ст., 70 % ср., 10 % мл.) и *изо́рва́лись* (60 % ст., 30 % ср., 90 % мл.); *ото́рва́лось* (20 % ст., 20 % ср., 10 % мл.) и *ото́рва́лось* (80 % ст., 80 % ср., 90 % мл.); *ото́рва́лись* (30 % ст., 50 % ср., 40 % мл.) и *ото́рва́лись* (70 % ст., 50 % ср., 60 % мл.).

Глаголы со связанным корнем *приняться*, *наняться*, *заняться*, *запереться* в речи представителей старшего поколения довольно часто отмечаются с ударением на приставке, в средней и младшей возрастных группах количество подобных примеров, как правило, ниже; в форме мн. ч. этих глаголов у некоторых респондентов встречается также ударение на корне: *приня́лось* (50 % ст., 20 % ср., 10 % мл.) и *приня́лось* (50 % ст., 80 % ср., 90 % мл.); *приня́лись* (50 % ст., 20 % ср., 10 % мл.), *приня́лись* (10 % ст., 20 % ср., 20 % мл.) и *приня́лись* (40 % ст., 60 % ср., 70 % мл.); *на́нялось* (20 % ст. и ср., 0 % мл.) и *на́нялось* (80 % ст. и ср., 100 % мл.); *на́нялись* (20 % ст. и ср., 0 % мл.), *на́нялись* (30 % ст., 60 % ср., 70 % мл.) и *на́нялись* (50 % ст., 20 % ср., 30 % мл.); *за́нялось* (20 % ст., 10 % ср., 0 % мл.) и *за́нялось* (80 % ст., 90 % ср., 100 % мл.); *за́нялись* (10 % ст., 20 % ср., 10 % мл.) и *за́нялись* (90 % ст., 80 % ср., 90 % мл.); *за́перлось* (30 % ст., 20 % ср. и мл.) и *за́перлось* (70 % ст., 80 % ср. и мл.); *за́перлись* (40 % ст., 50 % ср., 20 % мл.) и *за́перлись* (60 % ст., 50 % ср., 80 % мл.).

Практически все орфоэпические источники признают вариативность ударения в формах ср. р. ед. и мн. ч. и для большинства исследуемых глаголов допускают ударение как на окончании, так и на корне/суффиксе: [ОС; Касаткин 2014: 240; Резниченко 2015; БОС 2017], лишь в словаре М. А. Штудинера [2016] нормативными признаются только варианты с нафлексивным ударением. В соответствующих формах возвратных глаголов со связанным корнем *ня-*, а также глаголов *запереться* и *отпереться* единственно правильным считается нафлексивное ударение. Лишь «Большой орфоэпический словарь» признает равноправными формы *на́нялось* и *на́нялось*, *на́нялись* и *на́нялись*, при этом варианты *за́нялось* и *за́нялись* этот словарь квалифицирует как неправильные [БОС 2017]⁵.

⁵ Глагол *приняться* в «Большом орфоэпическом словаре» отсутствует.

Анализ поэтического подкорпуса НКРЯ свидетельствует о том, что формы ж. р. исследованных возвратных глаголов стабильно сохраняют нафлексивное ударение. Примеры с ударением на основе в этой форме встречаются начиная с середины XIX в., однако они единичны и отмечаются почти исключительно у выходцев с западных русских территорий: «В смертный мой час мне не лгать на духу: Вольной я волей *отд́алась* греху...» (К. К. Случевский, 1860–1878); «Нет, он не выдержал!.. В сердце кипевшая *рв́алась* наружу гроза» (Н. М. Минский, 1881).

О стабильном сохранении ударения на окончании в ж. р. возвратных глаголов свидетельствуют и данные Е. Б. Куракиной: «По результатам устного и письменного исследований удалось выявить высокую устойчивость нормативного флексивного ударения в постфиксальных глаголах в форме женского рода прошедшего времени: его предпочли 92 % респондентов» [Куракина 2011б: 28].

Результаты проведенного нами орфоэпического эксперимента подтверждают выводы Е. Б. Куракиной: практически все исследованные возвратные глаголы в 90–100 % случаев произносятся с нафлексивным ударением представителями всех возрастных групп. Безальтернативное ударение на окончании отмечено в формах *ли́лась, нали́лась, проли́лась, сли́лась, далась, задалась, отдалась, подалась, предалась, продалась, сдалась, удалась, набралась, зажилась, нажилась, рвалась, занялась, нанялась, отнялась, принялась, снялась, сбывлась, залгалась*.

Исключение — глаголы с корнем *ви-*: *витья, завитья, обвитья, привитья*, у которых процент вариантов с ударением на основе может достигать 30–40 %: *ви́лась* (10 % ст. и ср., 20 % мл.) и *вилась* (90 % ст. и ср., 80 % мл.), *зави́лась* (0 % ст., 30 % ср., 40 % мл.) и *завилась* (100 % ст., 70 % ср., 60 % мл.), *обви́лась* (10 % ст., 0 % ср., 30 % мл.) и *обвилась* (90 % ст., 100 % ср., 70 % мл.), *приви́лась* (20 % ст., ср. и мл.) и *привилась* (80 % ст., ср. и мл.).

3. Заключение

Таким образом, для большинства невозвратных глаголов, исследованных в эксперименте, характерно формирование акцентного противопоставления единственного и множественного числа: в ж. и ср. р. ед. ч. ударение падает на флексию, во мн. ч. — на основу. В частности, наличие этой тенденции подтверждает полное отсутствие в формах мн. ч. исследованных глаголов смещения ударения на окончание — его нет не только в разговорном узусе носителей русского литературного языка, но и в московском просторечии, тогда как формы с ударным окончанием в ед. ч. ср. р. широко распространены и постепенно становятся основными акцентными вариантами.

О реальности формирования подобной акцентной оппозиции единственного и множественного числа свидетельствует еще один факт. По данным А. С. Бабаниной, для регионального варианта современного русского

языка на Нижнем Поднепровье (Днепропетровская, Запорожская и Херсонская области Украины) характерна следующая особенность: «Сохранение ударения на основе глагола в формах единственного числа женского и среднего рода прошедшего времени: *взял — взяла, взяло, дал — дала, дало, брал — брала, брало, понял — поняла*; переход ударения на глагольную флексию в формах множественного числа: *взял — взяли, дал — дали, брал — брали, понял — поняли*» [Бабанина 2016: 49]⁶. Иначе говоря, в местном диалекте в формах прошедшего времени сформировалась акцентная система, тождественная русской литературной по основной языковой тенденции (акцентное противопоставление единственного и множественного числа), но противоположная по конечному результату.

В возвратных глаголах в целом прослеживается та же тенденция к противопоставлению единственного и множественного числа: перенос ударения на основу чаще встречается в формах мн. ч., чем в формах ср. р. ед. ч. Отличия в последовательности проявления этой тенденции между невозвратными и возвратными глаголами связаны не собственно с хронологией развития данного процесса (сначала тенденция затронула невозвратные глаголы, а затем — возвратные), а с отличиями в исходном распределении акцентов в соответствующих формах. Исследованные невозвратные глаголы в ср. р. и мн. ч. исконно не имели нафлексивного ударения, поэтому тенденция противопоставления чисел обуславливала перенос акцента с основы на флексию только в ср. р. Возвратные глаголы, напротив, характеризовались нафлексивным ударением, и указанная тенденция проявлялась как сдвиг акцента с флексии на основу, что прежде всего происходило в формах мн. ч., однако затронула также и ср. р.

Асимметричность проявления тенденции к акцентному противопоставлению форм ед. и мн. ч. обусловлена сущностью самой грамматикализации. Процесс перехода языковых единиц из разряда неграмматических в грамматические развивается постепенно: ударение, маркирующее определенные грамматические формы, никогда не распространяется механически и безальтернативно в акцентных парадигмах, но всегда реализуется на конкретных словах, постепенно распространяясь на всё большее количество слов.

Изменениям в акцентуации конкретных глаголов способствует и грамматическая аналогия со стороны глаголов того же класса: так, под влиянием акцентной парадигмы *а*, исконно свойственной глаголам *бить, шить* и *брить* в прошедшем времени, такая же неподвижная акцентная парадигма постепенно формируется у глаголов *вить* и *пить*, ранее характеризовавшихся подвижным ударением. Напротив, акцентная парадигма *с*, характеризующая в прошедшем времени ряд глаголов с суффиксом *-а* (*брать,*

⁶ А. С. Бабанина пишет о «сохранении» основного ударения в формах ж. р. ед. ч. Для того чтобы эта формулировка была корректной, в статье необходимо было разъяснить, какую акцентную систему для местного диалекта автор считает исходной.

звать, драть и др.), обуславливает формирование подвижной акцентной парадигмы и в глаголах *ткать, слать, стлать, красть*, исконно имевших в соответствующих формах колонное ударение на основе.

Убыстрять или замедлять этот процесс могут и другие факторы, например прагматический: чем менее употребительна лексема или ее конкретная форма, тем более вероятно сохранение ударения или его перемещение на основу — корень или глагольный суффикс.

Влияние оказывают также общие акцентологические тенденции русского языка, например тенденция к ритмическому равновесию, которая заключается в смещении ударения к центру слова и особенно наглядно прослеживается в русском литературном языке в сложных словах [Горбачевич 1978: 64–68], а в нашем материале — в глаголах с двусложными приставками, которые способствуют оттягиванию ударения на основу в формах типа *недоли́ла, препода́ла, переверáла, переплы́ла, воссозда́лись, изорва́лись, оторва́лись* и др.

Очевидно, что унификация ударения в описанных глаголах непродуктивных групп — длительный процесс, действие которого избирательно, но направление которого вполне очевидно: во всех формах ед. ч. ударение стремится закрепиться на флексии, а во множественном — на основе. Но, как известно, узус не может претендовать на полную реализацию потенциала языковой системы: в литературном языке не только понятие «узус» всегда шире понятия «норма», но и возможности языковой системы всегда шире речевого узуса. Система воздействует на узус, а норма уже обновляется через узуальные инновации.

Необходимо подчеркнуть, что тенденция к акцентному противопоставлению чисел в прошедшем времени соответствующих глаголов характерна только для русской языковой системы. В украинском и белорусском литературных языках акцентная унификация произошла во всех формах прошедшего времени как производящих, так и производных глаголов: в исконно двусложных глаголах ударение падает на основу (*брав, бра́ла, бра́ло, бра́ли, бра́вся, бра́лася, бра́лося, бра́лись; забра́в, забра́ла, забра́ло, забра́ли, забра́вся, забра́лася, забра́лося, забра́лись* или *браў, бра́ла, бра́лі, браўся, бра́лася, бра́ліся; забраў, забра́ла, забра́лі, забраўся, забра́лася, забра́ліся*), в исконно односложных — на окончание (*дав, далá, далó, дали́, да́вся, да́лася, да́лося, дали́ся; пода́в, пода́ла, пода́ло, пода́ли; пода́вся, пода́лася, пода́лося, пода́ліся* или *даў, далá, далó, дали́, даўся, далáся, далóся, дали́ся; падаў, падалá, падалó, падали́, падаўся, падалáся, падалóся, падали́ся*) [Жовтобрюх (ред.) 1973; Русак (ред.) 2013].

Л и т е р а т у р а

Бабанина 2016 — А. С. Б а б а н и н а. Лингвистические особенности нижнеднепровского региолекта современного русского языка // Перспективы интеграции науки и практики. 2016. № 3. С. 43–49.

БОС 2017 — Большой орфоэпический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и её варианты / Под ред. Л. Л. Касаткина. 2-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2017.

Букринская, Кармакова 2012 — И. А. Букринская, О. Е. Кармакова. Языковая ситуация в малых городах России // Исследования по славянской диалектологии. Вып. 15: Особенности сосуществования диалектной и литературной форм языка в славяноязычной среде / Отв. ред. Л. Э. Калнынь. М.: Институт славяноведения РАН, 2012. С. 153–164.

Булаховский 1939 — Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к литературному русскому языку. 2-е изд., испр. и доп. Киев, 1939.

Булаховский 1948 — Л. А. Булаховский. Сравнительно-исторические заметки к ударению русского глагола. Возвратные глаголы // Доклады и сообщения Института русского языка. Вып. 1. М.; Л., 1948. С. 18–48.

Воронцова 1979 — В. Л. Воронцова. Русское литературное ударение XVIII–XX вв. Формы словоизменения. М.: Наука, 1979.

Воронцова 2000 — В. Л. Воронцова. Активные процессы в области ударения // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / Отв. ред. Е. А. Земская. 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 305–325.

Горбачевич 1978 — К. С. Горбачевич. Вариантность слова и языковая норма. Л.: Наука, 1978.

Даль⁴ — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна де Куртене. 4-е изд. СПб.; М., 1912. Т. I–IV.

Еськова 2008 — Н. А. Еськова. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Языки славянской культуры, 2008.

Еськова 2014 — Н. А. Еськова. Словарь трудностей русского языка. Грамматические формы. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Жовтобрюх (ред.) 1973 — Українська літературна вимова і наголос / Від. ред. М. А. Жовтобрюх. Київ: Наукова думка, 1973.

Зализняк 1985 — А. А. Зализняк. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Касаткин (ред.) 2013 — Русская диалектология / Под ред. Л. Л. Касаткина. 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ-Пресс, 2013.

Касаткин 2014 — Л. Л. Касаткин. Современный русский язык. Фонетика. 3-е изд., испр. М.: Академия, 2014.

Касаткина 2008 — Р. Ф. Касаткина. Изменения в просодической системе русского литературного языка // Современный русский язык: Активные процессы на рубеже XX–XXI веков / Отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 375–398.

Кривоносов 1989 — А. Д. Кривоносов. К акцентной характеристике глагольных морфем в севернорусской рукописи XVI в. // Севернорусские говоры. Вып. 5 / Отв. ред. А. С. Герд. Л., 1989. С. 14–23.

Куракина 2011a — Е. Б. Куракина. Колебание места ударения в постфиксальных глаголах прошедшего времени мужского рода единственного числа в речи современных молодых москвичей // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. № 1 (31). С. 267–272.

Куракина 2011b — Е. Б. Куракина. Тенденции развития акцентологических норм в речи современных молодых москвичей. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011.

Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. 6-е изд. М.: Русский язык, 1999.

Резниченко 2015 — И. Л. Резниченко. Словарь ударений русского языка. М.: АСТ-Пресс, 2015.

Русак (рэд.) 2013 — Граматычны слоўнік дзеяслова / Навук. рэд. В. П. Русак. 2-е выд., дапрац. Мінск.: Беларуская навука, 2013.

Скачедубова 2020 — Е. С. Скачедубова. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация страдательных причастий прошедшего времени // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1 (в печати).

Суханова 1980 — М. С. Суханова. Ударение глаголов // Русская грамматика. Т. 1 / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М.: Наука, 1980. С. 681–702.

ТСРЯ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова: В 4 т. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

Штудинер 2016 — М. А. Штудинер. Словарь трудностей русского языка для работников СМИ. Ударение, произношение, грамматические формы. М.: АСТ-Пресс, 2016.

Статья получена 01.06.2020

Dmitry M. Savinov

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
crillon@yandex.ru

Ekaterina S. Skachedubova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
skaekaterina@yandex.ru

Alexandra E. Somova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
alsomova@yandex.ru

ACTIVE PROCESSES IN THE PROSODIC SYSTEM OF THE RUSSIAN LANGUAGE: ACCENTUATION OF PAST VERBS

The article is devoted to the accentuation of the past-tense forms of non-reflexive and reflexive verbs of the unproductive class in Russian. Based on the comparison of stress variants codified by modern orthoepic dictionaries and the data obtained in a series of experiments that reflect the actual pronunciation used by speakers of Modern Standard Russian, the causes of changes occurring in the accent paradigm of non-reflexive verbs of the past tense are analyzed and the problems of codification of norms in the orthoepic dictionaries are raised.

The majority of non-reflexive verbs studied in the experiments are characterized by the formation of an accentual opposition of the singular and plural forms: in the feminine and neuter singular, the stress falls on the inflection, in the plural, on the stem. In particular, this trend results in the complete absence of stressed ending bias in the plural forms of the verbs

under discussion. It is not only absent in the colloquial usage of native speakers of Standard Russian, but also in the Moscow vernacular, while singular neuter forms with stress on the ending are widely distributed and are gradually becoming the main accentual variants.

In reflexive verbs, in general, the same tendency to contrast singular and plural forms is observed: shift of stress to the stem is more common in plural forms than in singular neuter forms.

Keywords: verb, orthoepic dictionary, Modern Standard Russian, accent, codification

References

- Avanesov, R. I. (Ed.). (1999). *Orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka: proiznoshenie, udarenie, grammaticheskie formy* (6th ed.). Moscow: Russkii yazyk.
- Babanina, A. S. (2016). Lingvisticheskie osobennosti nizhnedneprovskogo regiolekta sovremennogo russkogo yazyka. *Perspektivy integratsii nauki i praktiki*, 3, 43–49.
- Bukrinskaya, I. A., & Karmakova, O. E. (2012). Yazykovaia situatsiia v malykh gorodakh Rossii. In L. E. Kalnyn' (Ed.), *Issledovaniia po slavianskoi dialektologii* (Issue 15, pp. 153–164). Moscow: Institut slavianovedeniia RAN.
- Eskova, N. A. (2008). *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Piasnitel'nye stat'i*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Eskova, N. A. (2014). *Slovar' trudnostei russkogo yazyka. Grammaticheskie formy*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Gorbachevich, K. S. (1978). *Variantnost' slova i yazykovaia norma*. Leningrad: Nauka.
- Kasatkin, L. L. (2013). *Russkaia dialektologiya* (3rd ed.). Moscow: AST-Press.
- Kasatkin, L. L. (2014). *Sovremennyi russkii yazyk. Fonetika* (3rd ed.). Moscow: Akademia.
- Kasatkin, L. L. (2017). *Bol'shoi orfoepicheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoe proiznoshenie i udarenie nachala XXI veka: norma i ee varianty* (2nd ed.). Moscow: AST-Press.
- Kasatkina, R. F. (2008). Izmeneniia v prosodicheskoi sisteme russkogo literaturnogo yazyka. In L. P. Krysin (Ed.), *Sovremennyi russkii yazyk: Aktivnye protsessy na rubezhe XX–XXI vekov* (pp. 375–398). Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Krivososov, A. D. (1989). K aktsentnoi kharakteristike glagol'nykh morfem v severnorusskoi rukopisi XVI v. In A. S. Gerd (Ed.), *Severnorusskie govory* (Issue 5, pp. 14–23). Leningrad: Izd-vo LGU.
- Kurakina, E. B. (2011a). Kolebanie mesta udarenii v postfiksial'nykh glagolakh proshedshego vremeni muzhskogo roda edinstvennogo chisla v rechi sovremennykh molodykh moskvichei. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 1(31), 267–272.
- Kurakina, E. B. (2011b). *Tendentsii razvitiia aktsentologicheskikh norm v rechi sovremennykh molodykh moskvichei* (Doctoral dissertation summary). Sholokhov Moscow State Humanitarian University, Moscow.
- Reznichenko, I. L. (2015–). *Slovar' udarenii russkogo yazyka* (Vols. 1–). Moscow: AST-Press.
- Rusak, V. P. (Ed.). (2013). *Gramatychny slounik dzeiaslova* (2nd ed.). Minsk: Belaruskaya navuka.
- Shtudiner, M. A. (2016). *Slovar' trudnostei russkogo yazyka dlia rabotnikov SMI. Udarenie, proiznoshenie, grammaticheskie formy*. Moscow: AST-Press.

Sukhanova, M. S. (1980). Udarenie glagolov. In N. Yu. Shvedova (Ed.), *Ruskaia grammatika* (Vol. 1, pp. 681–702). Moscow: Nauka.

Ushakov, D. N. (Ed.). (1935–1940). *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka* (Vols. 1–4). Moscow: OGIZ.

Vorontsova, V. L. (1979). *Russkoe literaturnoe udarenie XVIII–XX vv.* Formy slovoizmeneniia. Moscow: Nauka.

Vorontsova, V. L. (2000). Aktivnye protsessy v oblasti udarenii. In E. A. Zemskaiia (Ed.), *Russkii yazyk kontsa XX stoletii* (1985–1995) (2nd ed.) (pp. 305–325). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.

Zalizniak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.

Zhovtobriukh, M. A. (1973). *Ukrains'ka literaturna vimova i nagolos*. Kyiv: Naukova dumka.

Received on June 1, 2020